

Борис Вадимович Соколов –

доктор филологических наук,
кандидат исторических наук,
член Русского ПЕН-центра

Первая мировая война, государственный суверенитет и позднейшие плоды

Банальностью звучит утверждение, что Первая мировая война перевернула жизнь всего человечества, обесценила или наполнила новым смыслом многие привычные понятия. И среди этих понятий непоследнюю роль играло понятие «государственный суверенитет», означающее независимость государства во внешних и его верховенство в своих внутренних делах. Перед Первой мировой войной считалось, например, что нейтралитет государства – международно признанный и гарантированный великими державами – вещь незыблемая.

Но Германия начала Первую мировую войну нарушением нейтралитета сразу двух государств – Великого герцогства Люксембург и Королевства Бельгии. Люксембург, находившийся в таможенном союзе с Германской империей, сопротивляться вторжению германской армии не стал. А вот Бельгия стала, присоединилась к Антанте, и германское вторжение в Бельгию стало одной из

причин вступления Англии в мировую войну, так как британское правительство не могло допустить германского контроля над бельгийским побережьем – идеальным плацдармом для десанта в Англию. В дальнейшем в ходе Первой мировой войны суверенитет нейтральных стран нарушали государства обеих противостоявших друг другу коалиций. Например, Албания в период Первой мировой войны так и не заявила о присоединении к какой-либо из воюющих коалиций. Это было самое молодое из существовавших в тот момент в Европе государств. Оно образовалось по итогам двух Балканских войн. Только 28 ноября 1912 года Всеалбанский конгресс во Влёре принял Акт о провозглашении независимости Албании от Османской империи. И лишь 29 июля 1913 года Лондонская конференция послов великих держав приняла решение, что Албания будет автономным суверенным наследным княжеством. Князем Албании Всеалбанский конгресс при-

Центральная улица Тираны в первой четверти XX века

гласил стать капитана прусской армии, родственника германского кайзера Вильгельма II и племянника румынской королевы Елизаветы Вильгельма Вида. 7 марта 1914 года принц с супругой прибыли в Дуррес на австрийском военном корабле. Однако Вильгельму Виду не удалось справиться с царившей в Албании анархией, и всего через месяц после начала Первой мировой войны, 3 сентября 1914 года, князь отбыл в Германию, признав крах своих усилий, хотя и не отрекся от престола. За влияние в Албании вели между собой борьбу Австро-Венгрия, Италия, Сербия, Черногория и Греция. Последняя претендовала на Южную Албанию, где проживало значительное греческое меньшинство.

Уже 17 сентября 1914 года ставленник Италии в Албании Эссад-паша Топтани подписал с Сербией договор о мире и дружбе. Получив деньги от сербов, он на вербовал армию, в том числе из сербских албанцев, и 2 октября вступил в Дуррес, где провозгласил себя главой сената Центральной Албании. Однако подчинить себе всю страну Топтани не смог. В октябре 1914 года войска нейтральной Греции

вторглись в Албанию и оккупировали Северный Эпир.

После того как 2 ноября 1914 года Турция присоединилась к Центральным державам, султан объявил джихад против врагов ислама, подразумевая под ними государства Антанты. Албанские крестьяне во главе с Хаджи Кямили последовали призыву к джихаду и начали войну против проантантовского правительства Топтани. Взяв Тирану, Хаджи Кямили 16 декабря объявил о свержении Эссада-паши Топтани и о воссоединении Албании с Османской империей. В свою очередь, 20 декабря 1914 года Эссад-паша от имени сената Дурреса послал приглашение итальянцам войти в Албанию, и 25 декабря в Дурресе высадились итальянские войска. При этом Италия всё еще формально оставалась нейтральной, хотя в Албании фактически действовала на стороне сил, союзных Антанте.

23 мая 1915 года Италия, наконец, вступила в войну на стороне Антанты. И уже 2 июня в Центральной Албании начали наступление сербские войска, чтобы предупредить возможные действия своего нового союзника, поскольку в Албании интересы двух государств сталкивались. 11 июня сербы

вступили в Тирану, а через два дня подошли к Дурресу, и только резкий протест итальянского правительства предотвратил возможную войну между союзниками. Вступление Италии в войну и действия Сербии, в свою очередь, побудили Черногорию оккупировать северную часть Албании со Шкодером, на который давно претендовал черногорский князь.

Когда осенью 1915 года австро-венгерская армия перешла в наступление против Сербии и Черногории и в войну на стороне Центральных держав вступила Болгария, сербские войска отступили в Албанию и были эвакуированы морем на остров Корфу, а Черногория в январе 1916 года капитулировала. Австро-венгерские войска оккупировали почти всю Центральную Албанию. Часть Южной Албании заняли болгары. Основную часть Южной Албании продолжала оккупировать нейтральная Греция, итальянцы же закрепились во Влёре, но вскоре вынудили греков уйти из Албании. Южноалбанский район Корче, ранее занятый войсками Греции, оккупировали французские войска. Албания превратилась в поле боя между Антантой и Централь-

Вильгельм Вид

ными державами, но так до конца войны оставалась нейтральной. Однако ее нейтралитет не соблюдала ни одна из воюющих коалиций, равно как и оставшаяся большую часть войны нейтральной Греция. За время войны в Албании не существовало какого-либо центрального правительства, власть которого признавалась хотя бы на большей части территории страны.

Интересно, что, согласно заключенному 26 апреля 1915 года представителями Италии, Великобритании, Франции и России Лондонскому договору, определявшему условия вступления в войну Италии, предусматривалось, что территория Албании фактически будет разделена между странами Антанты. Ита-

лии обещали район Влёра и протекторат над оставшейся территорией Албании. Черногории обещали север Албании со Шкодером, а Сербии — ряд пограничных албанских территорий.

В октябре 1915 года в Салониках высадились 150 тысяч англо-французских солдат. Затем 6 июля 1916 Антанта объявила блокаду Греции и потребовала окончательной демобилизации греческой армии, в которой были сильны прогерманские настроения. Между тем Греция всё еще оставалась нейтральной, но требования Антанты приняла. В октябре и в декабре 1916 года державы Антанты потребовали также сдачи греческого флота и подчинения контролю Антанты важнейших государственных учреждений. Эти требования также были приняты греческим правительством. Под давлением союзников сторонник Антанты Элефтериос Венизелос вновь стал премьер-министром Греции в октябре 1916 года. Но вступление Греции в войну на стороне Антанты противились прогермански настроенные король Константин и офицеры греческой армии. Тогда государства Антанты вынудили Константина 12 июня 1917 года отречься от престола, назначив преемником своего второго сына Александра. 29 июня Греция объявила войну Германии. Но к тому времени территория континентальной Греции уже больше года являлась фронтом борьбы между Антантой и Центральными державами, несмотря на нейтральный статус. Эссад-паша Топтани бежал из Дурреса вместе с сербами. В августе 1916 года он объявился в Салониках, где на антантовские деньги сформировал батальон из албанских наемников во главе с Халитом Лэши и албанское правительство в изгнании в греческих Салониках. 10 декабря 1916

года под контролем французских оккупационных властей в Южной Албании была создана Автономная албанская республика Корча. Управление автономией осуществлялось административным советом из 14 членов (поровну христиан и мусульман), каждый из которых в течение месяца по очереди выполнял функции главы республики. Государственным флагом являлся «традиционный штандарт Скандербега с лентой цветов Франции», а официальным языком — албанский. Были открыты упраздненные греческими оккупантами албанские школы. В пределах области создавались мобильные отряды албанской жандармерии, а руководитель местных повстанческих отрядов Темистокли Гермени был назначен префектом полиции. Но в октябре 1917 года по сфабрикованному с помощью греческих спецслужб обвинению в связях с австрийской и болгарской разведками он был арестован и расстрелян в Салониках по приговору военного суда. А 10 февраля 1918 года протокол от 10 декабря 1916 года был аннулирован, и вся полнота власти перешла к французским оккупационным властям. Дело в том, что после вступления Греции в войну на стороне Антанты союзники хотели создать у греческого правительства впечатление, что оно может рассчитывать на присоединение Северного Эпира после завершения войны, и предпочли ликвидировать там албанскую автономию. Хотя в итоге Греция не получила ни Северный Эпир, ни почти ничего из тех территорий, которые ей обещали, когда добивались вступления Греции в войну на стороне Антанты.

Еще одной нейтральной страной, суверенитет которой был грубо нарушен в ходе Первой мировой войны, стала Персия

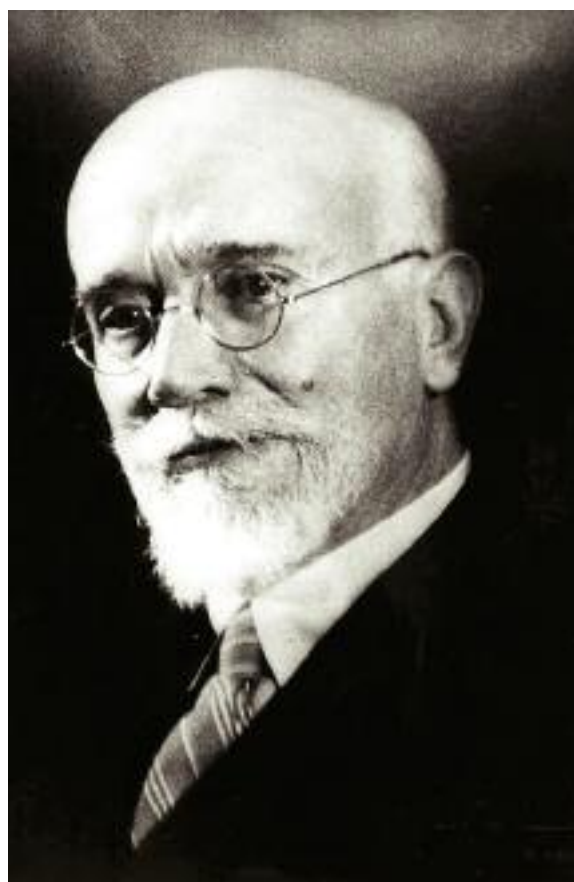
(Иран). До войны эта страна являлась предметом соперничества России и Англии и была в соответствии с русско-британским соглашением 1907 года фактически разделена на российскую и британскую сферы влияния. С началом войны турецкие войска вторглись в Иран с запада, русские войска — с северо-запада, а британские войска — с юго-запада. Иранская территория стала полем боя двух коалиций, хотя интенсивность боевых действий вследствие природных условий (горы и пустыни) была низкой. Иран так и не вступил в войну, но с его властями несколько не считалась ни одна из воюющих сторон.

В нарушениях нейтралитета нейтральных государств в период Первой мировой войны прослеживаются определенные закономерности. Такие государства либо находились в сильной зависимости от одной из воюющих держав (например, Люксембург от Германии) и потому были оккупированы без сопротивления. Либо вообще не имели эффективно централизованного правительства и являлись объектом территориальных притязаний и попыток установить сферы влияния со стороны соседних стран (Албания и Иран). Либо их правительства и армии были парализованы борьбой проантантовских и прогерманских группировок (Греция). В единственном случае нейтральная страна, подвергшаяся вторжению, встала на путь вооруженной защиты своего нейтралитета. Это была Бельгия. Она являлась одной из наиболее развитых к тому времени европейских стран с одним из самых высоких в мире показателей душевого национального дохода, с достаточно многочисленным населением и сильной армией. К тому же Бельгия имела традиционные тесные связи с Англией и Францией, значитель-

ные капиталы за границей и крупную колонию в Африке — Бельгийское Конго.

Опыт практически безнаказанного нарушения нейтралитета ряда стран в ходе Первой мировой войны и зачастую их фактический раздел на сферы влияния еще до ее окончания привели державы обеих коалиций к убеждению, что послевоенные границы можно будет пролагать независимо от суверенитета и воли как властей побежденных государств, так и проживающих на их территориях народов.

«Четырнадцать пунктов» американского президента Вудро Вильсона, обнародованные в январе 1918 года, когда в победе Антанты, несмотря на фактический выход из войны России, уже было мало сомнений, существенно ограничивали будущий государственный суверенитет побежденных и предполагали создание после войны новых государств. В то же время государственный суверенитет серьезно ограничивал провозглашенный Вильсоном принцип «свободы морей», который предполагал «абсолютную свободу судоходства на морях вне территориальных вод как в мирное, так и военное время, кроме случаев, когда некоторые моря будут частично или полностью закрыты в международном порядке для исполнения международных договоров». Этот принцип касался как побежденных, так и победителей. К такому же результату вело и требуемое президентом США «устранение экономических барьеров» в рамках принципа «свободы торговли», что предполагало в идеале устранение всех таможенных пошлин. В ходе дальнейшей истории XX века принцип свободы торговли воплотился в некоторых глубоко интегрированных экономических союзах и прежде всего в Североамериканском соглашении о сво-

Элефтериос Венизелос

бодной торговле (НАФТА) и в Евросоюзе, но для этого понадобились полвека и новая мировая война.

Что же касается послевоенного устройства мира, то «Четырнадцать пунктов» практически предполагали ликвидацию и расчленение двух империй — Австро-Венгрии и Османской, — хотя об этом еще не говорилось прямо. В мирных предложениях Вильсона провозглашалось: «Народы Австро-Венгрии, место которых в Лиге Наций мы хотим видеть огражденным и обеспеченным, должны получить широчайшую возможность автономного развития». Вместе с тем «турецкие части Османской империи в современном ее составе должны получить обеспеченный и прочный суверенитет, но другие национальности, ныне находящиеся под властью турок, должны получить недвусмысленную гарантию существования и абсолютно нерушимые условия

Одисе Паскали. Памятник Скандербегу (1968 год) в Тиране на фоне знамени Скандербега – национального флага Албании

автономного развития». При этом «Дарданеллы должны быть постоянно открыты для свободного прохода судов и торговли всех наций под международными гарантиями». На деле «Четырнадцать пунктов» означали, что от Дунайской монархии останутся только Австрия и Венгрия в своих этнических границах, причем только как отдельные государства, не объединенные в какую-либо федерацию или конфедерацию. От Османской же империи должны были остаться лишь этнически турецкие (тюркские) территории. Реально новое турецкое

государство должно было светиться к Малой Азии и, возможно, к небольшому хинтерланду в Европе вокруг Стамбула, причем над Черноморскими проливами (а фактически – и над турецкой столицей) предполагалось установление международного контроля.

Вильсон провозгласил торжество «принципа национальностей», который в «Четырнадцати пунктах» звучал так: «Свободное, чистосердечное и абсолютно беспристрастное разрешение всех колониальных споров, основанное на строгом соблюдении принци-

па, что при разрешении всех вопросов, касающихся суверенитета, интересы населения должны иметь одинаковый вес по сравнению со справедливыми требованиями того правительства, права которого должны быть определены». Кроме того, в ряде других пунктов предусматривалось исправление государственных границ «на основе ясно различимых национальных границ». Российскую империю в качестве кандидата на ликвидацию прямо в «Четырнадцати пунктах» не называли, поскольку оставались еще некоторые надежды на то, что Россия в том или ином виде продолжит сотрудничество с Антантой. Но при последовательном применении программы Вильсона расчленение бывшей Российской империи также было неизбежно. В частности, «Четырнадцать пунктов» предусматривали: «Должно быть создано независимое польское государство, которое должно включать в себя все территории с неоспоримо польским населением, которому должен быть обеспечен свободный и надежный доступ к морю, а политическая и экономическая независимость которого, равно как и территориальная целостность, должны быть гарантированы международным договором. Должно быть образовано общее объединение наций на основе особых статут в целях создания взаимной гарантии политической независимости». Это, безусловно, предполагало отторжение от Российской империи Царства Польского, поскольку никакая будущая связь Польши с Россией не предусматривалась. Один из пунктов Вильсона был прямо посвящен России. Он декларировал в качестве одной из целей союзников: «Освобождение всех русских территорий и такое разрешение всех затрагивающих Рос-

сию вопросов, которое гарантирует ей самое полное и свободное содействие со стороны других наций в деле получения полной и беспрепятственной возможности принять независимое решение относительно ее собственного политического развития и ее национальной политики и обеспечение ей радушного приема в обществе свободных наций при том образе правления, который она сама для себя изберет. И более чем прием, также и всяческую поддержку во всем, в чем она нуждается и чего она сама себе желает. Отношение к России со стороны наций, ее сестер, в грядущие месяцы будет пробным камнем их добрых чувств, понимания ими ее нужд и умения отделить их от своих собственных интересов, а также показателем их мудрости и бескорыстия их симпатий».

Это была одна из последних попыток не допустить заключения сепаратного мира между Россией и Центральными державами. Однако если исходить из принципа проведения «национальных границ», от России следовало отторгнуть не только Польшу и Финляндию (последняя и в составе Российской империи была полунезависимым Великим княжеством Финляндским), но и, по крайней мере, еще и Украину, Белоруссию, Бессарабию, Закавказье и еще ряд территорий в Средней Азии. В этом случае она осталась бы примерно в нынешних границах. И немцы, навязав Советской России Брестский мирный договор и подписав также в Бресте мирный договор с Украиной, формально следовали «принципу национальностей», но в данном случае он был лишь прикрытием для германской экспансии. От России отторгались нынешние Польша, Финляндия, Белоруссия, Литва, Латвия и Эстония. Причем в тексте до-

говора указывалось, что «для означенных областей из их прежней принадлежности к России не будет вытекать никаких обязательств по отношению к России». А также то, что эти территории «будут заняты германской полицейской властью до тех пор, пока общественная безопасность не будет там обеспечена собственными учреждениями страны». Имелось в виду, что после окончания Первой мировой войны отторгнутые от России территории смогут самоопределиваться в качестве государств, но фактически это самоопределение должно было происходить под германским протекторатом и в присутствии германских войск. Это было хорошо продемонстрировано на примере Украины. Центральные державы заключили мирный договор с правительством Центральной Рады, которая — хотя и провозгласила полную независимость Украинской Народной Республики — в тот момент фактически не контролировала территорию Украины. А после австро-германской оккупации Украины немцы очень быстро свергли Центральную Раду и установили марионеточный режим гетмана Павла Скоропадского.

Для обеих противостоявших друг другу коалиций государственный суверенитет в значительной мере превратился в фикцию, что доказали Версальский мирный договор и другие договоры, образовавшие версальскую (или версальско-вашигтонскую) систему мира. В идеале при создании новых государств и при изменении границ государств, уже существующих, должен был применяться «принцип национальностей», что предполагало во всех случаях проведение плебисцитов. На практике же передача многих территорий в состав тех или иных государств происходила

без какого-либо учета воли населения. А плебисциты проводились главным образом в тех случаях, когда таким образом рассчитывали уменьшить территорию побежденных государств.

Так, без плебисцитов были возвращены Франции Эльзас и Лотарингия, хотя при заключении перемирия плебисцит предлагала провести германская сторона. А плебисцит, проведенный, например, согласно Версальскому мирному договору, 11 июля 1920 года на территории Вармии, Мазурии и Повисля, показал, что подавляющая часть населения этих регионов высказалась за то, чтобы остаться в составе Германии. Но к Польше присоединили селения Любстынек, Напромак, Мале Пулько, Нове Лихновы, Крамарово, Боштых и Яново, где за присоединение к Польше высказалось большинство проголосовавших. Кроме того, по стратегическим соображениям к Польше присоединили речной порт в Коженёве и железнодорожный мост на линии Квидзын—Опалене. Аналогичным образом в пользу Польше интерпретировали результаты референдума в Верхней Силезии. Также в состав Польши был включен так называемый Польский коридор к побережью Балтики с преобладающим немецким населением, а город Данциг с почти исключительно немецким населением был объявлен «вольным городом» с предоставлением Польше определенных прав в нем.

А вот когда от Венгрии отделили Словакию, Воеводину и Трансильванию, никаких плебисцитов не проводилось, а разделение прошло по границам между прежними провинциями Дунайской монархии. В результате за пределами Венгрии оказались значительные по численности компактные группы венгров. Если бы

границы Венгрии в 1920 году были установлены на основе исходов плебисцитов с оставлением в ее составе регионов с преимущественно венгерским населением, то границы Венгрии стали бы примерно такими же, какими они оказались в 1941 году — при непосредственном содействии нацистской Германии. В этом случае в составе Венгрии остались бы некоторые промышленные районы Южной Словакии и Северной Трансильвании. И в этом случае Венгрия уже в 1920-е годы была бы гораздо более жизнеспособным и состоявшимся государством. И тогда вероятность возникновения Второй мировой войны была бы значительно меньше.

В качестве яркого пример точности версальской системы можно привести историю так называемой Великой Австрии. 11 ноября 1918 года, после капитуляции австро-венгерских войск, Карл I сложил полномочия императора Австрии, хотя и не отрекся от престола. На следующий день, 12 ноября, Немецкая Австрия официально провозгласила себя демократической республикой в составе Германии. Плебисциты, проведенные в провинциях Тироль и Зальцбург, дали соответственно 98 и 99 процентов голосов в пользу аншлюса (присоединения к Германии). 22 ноября Национальная ассамблея официально провозгласила, что все провинции Немецкой Австрии (Верхняя Австрия, Нижняя Австрия, Немецкая Богемия, Судетская область, Штирия, Зальцбург, Каринтия, Немецкий Тироль и Форарльберг) находятся под юрисдикцией Германии. Таким образом, в составе Германской империи образовывалась Великая Австрия, включавшая территорию нынешней Австрии и Судетскую область современной Чехии. Эти земли были заселе-

ны преимущественно немцами. Если державы Антанты согласились бы с этим решением, то Второй мировой войны скорее всего не возникло бы, поскольку практически все территории с преобладающим немецким населением оказались бы объединены в составе Германии. В этом случае Гитлеру и нацистам, равно как и другим ультранационалистическим партиям Германии, было бы очень трудно прийти к власти, эксплуатируя лозунг восстановления прав и государственно-территориального единства немцев как разделенного народа.

Однако Антанта хотела максимально ослабить Германию и не допустить ее усиления за счет присоединения новых территорий, тем более за счет промышленно развитых районов Богемии и Моравии. Несмотря на то что Учредительное собрание Немецкой Австрии 3 апреля 1919 года, лишив Габсбургов прав на престол и изгнав их из Австрии, подтвердило стремление к аншлюсу, державы Антанты воспротивились этому и заставили представителей Австрийской Республики 10 сентября 1919 года подписать Сен-Жерменский мирный договор, которым запрещался аншлюс. Такая же статья о запрещении аншлюса была внесена и в Версальский мирный договор с Германией. Державы-победительницы провозгласили стремление создавать новые государства, по возможности придерживаясь прежних границ между провинциями Австрии и Венгрии, что не мешало, однако, отторгнуть ряд территорий Республики Австрия с преимущественно немецким населением. Согласно Сен-Жерменскому договору, от Немецкой Австрии в пользу Чехословакии отторгались часть Верхней и Нижней Австрии и целиком — Немецкая Богемия и Судетская область.

Кроме того, в пользу Италии были отторгнуты некоторые территории Каринтии и Немецкого Тироля. Между тем в этих регионах преобладало немецкое население, и согласно «принципу национальностей», их следовало бы оставить в составе Австрии, которой, согласно тому же принципу, нельзя было бы запретить войти в состав Германии, если бы такое решение было поддержано на плебисците большинством населения.

В утешение Австрии по результатам плебисцита, согласно Сен-Жерменскому договору и Трианонскому мирному договору с Венгрией от 26 июля 1920 года, был передан находившийся на западе регион Бургенланд, населенный преимущественно немцами. В то же время район Шопрона по результатам плебисцита, прошедшего в декабре 1921 года, был оставлен в Венгрии. Этот плебисцит был следствием конфликта между Австрией и Венгрией, которая отказалась передавать Бургенланд и убрала оттуда свои вооруженные отряды только после того как был согласован вопрос о плебисците в районе Шопрона.

В результате мирных договоров, завершивших Первую мировую войну, в Европе были созданы только два многонациональных государства — Чехословакия и Югославия. Но оба этих государства просуществовали исторически довольно короткий срок. Чехословакию как действительно независимое и самостоятельное государство можно рассматривать лишь в первые 20 лет ее существования — до Мюнхенского соглашения 1938 года. После германской оккупации Чехии в марте 1939 года Словакия провозгласила независимость, хотя и оставалась в сильной зависимости от Германии и вынуждена была поступиться значительной частью своей территории в

пользу Венгрии. Словацкое национальное движение существовало как в Австро-Венгрии, так и в межвоенной Чехословакии. Однако в Венгрии (Транслейтании) оно было реакцией на насильственную мадьяризацию и выступало как за широкую автономию Словакии в составе Дунайской монархии, так и за создание в ее рамках третьего — славянского — государства — Чехо-Словакии, наряду с уже существовавшими Австрией и Венгрией. Это сделало бы конфедерацию еще менее управляемой. Движение «чехословакизма» усилилось в Чехии и Словакии с 1890-х годов. В созданной же в 1918 году Чехословакии фактически никакой автономии Словакии не было. Это способствовало активизации деятельности выступавшей за независимость Словакии Словацкой народной партии Андрея Глинки, которая в 30-е годы во многом восприняла идеи итальянского фашизма и германского национал-социализма и оказалась у власти в опекаемой нацистской Германией марионеточной Словакии. После освобождения Чехословакии в 1945 году страна могла существовать как единое государство только в составе более широкого советского блока и прежде всего потому, что Советский Союз был против распада Чехословакии. При этом федерацией Чехословакия формально стала только в 1969 году (до этого формальную национальную автономию имела только Словакия), а после падения коммунистического режима Чехословакия просуществовала всего три года. В 1992 году состоялся «бархатный развод» Чехии и Словакии. Он прошел абсолютно мирно еще и потому, что практически не было значительных анклавов чешского населения в Словакии и словацкого — в Чехии. Также

Кайзер Вильгельм и гетман Скоропадский в августе 1918 года

немаловажную роль сыграло то обстоятельство, что главными противниками чехов всегда были немцы, а словаков — венгры, так что между собой эти два народа почти никогда не враждовали. В то же время фактически до 1918 года Чехия и Словакия находились в составе двух разных и во многом различных государств — соответственно Австрии и Венгрии. Это ощущалось и до официального создания в 1867 году двуединой австро-венгерской монархии, поскольку и ранее Чехия все равно была частью Австрии, а Словакия —

Венгрии. И если в Австрии чехи имели определенные права на культурно-национальную автономию и собственную развитую национальную элиту, то в Венгрии словаки постоянно находились под угрозой мадьяризации, а их собственная национальная элита оказалась недоразвитой. Кроме того, даже после 1867 года между Австрией и Венгрией сохранялась таможенная граница, и в двух государствах функционировала разная валюта. Так что устойчивых культурных, экономических и политических связей

между чехами и словаками до 1918 года почти не существовало, что делало Чехословакию достаточно искусственным государством. И само устойчивое существование Чехии и Словакии в качестве независимых государств после 1992 года стало возможным только благодаря их включению в более широкие структуры безопасности и экономической и политической интеграции – НАТО и Евросоюз.

Югославия же, в отличие от Чехословакии, была образована из государств и территорий, которые до 1918 года не находились даже в составе одной и той же конфедерации, какой была Австро-Венгрия. Сербия и Черногория являлись независимыми государствами, Босния и Герцеговина находилась под общим управлением Австрии и Венгрии, Словения и Далмация входили в состав Австрии, а Хорватия, Воеводина и Банат – в состав Венгрии. Кроме того, следует учесть, что в состав Сербии и Черногории входили значительные территории, населенные преимущественно албан-

цами, а в состав Сербии – еще и Македония, населенная преимущественно македонцами, желавшими воссоединиться с Болгарией. Также надо принять во внимание, что на территориях, ранее входивших в состав Австро-Венгрии, имелись значительные по численности немецкие общины, а в состав только Венгрии – венгерские общины. При этом словенцы по языку и культуре были и остаются западными, а не южными славянами – в отличие от других славянских народов Югославии. Так что между народами Югославии до 1918 года тоже были не слишком тесные экономические и политические связи, да и их языковое и культурное сходство не следует преувеличивать. Достаточно сказать, что словенский и македонский (болгарский) языки достаточно сильно отличаются от сербскохорватского, на котором говорило большинство народов бывшей Югославии. Подобная этнокультурная и этнополитическая раздробленность накладывалась на отсутствие единой экономики, притом что бывшие австро-венгерские территории были в целом более экономически развиты, чем прежде независимые Сербия и Черногория, тогда как политически преобладали в новом государстве сербы.

Ситуация в Югославии усложнялась тем, что некоторые из ее народов – прежде всего сербы и хорваты – жили чересполосно, так что анклавы одного народа часто находились на территории другого народа (может быть, наиболее известный пример здесь – Сербская Краина в Хорватии). Поэтому стабильность Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев с самого начала его существования была подорвана давним противостоянием сербов и хорватов, дискриминацией боснийских мусульман, борьбой македон-

цев, венгров и албанцев за присоединение к своим государствам. Поэтому когда Югославия в 1941 году подверглась германо-итальянской агрессии, в ней с энтузиазмом соучаствовали Болгария и Венгрия. Когда в 1945 году после поражения держав «оси» власть в Югославии захватил коммунист Иосип Броз Тито, он сумел сохранить единство страны только благодаря трем факторам. Первый из них – это жесткая тоталитарная диктатура, минимизировавшая открытые проявления межнациональных противоречий. Второй фактор: хорват Тито, имевший по матери словенские корни, уменьшил сербское доминирование в Югославии и превратил страну в подобие федерации. Но после смерти Тито и проведения демократических выборов в югославских республиках распад Югославии стал неизбежен, что и произошло в 1991 году. И тут не меньшее значение, чем внутренние факторы, играл третий – геополитический – фактор. После ссоры Сталина и Тито в 1948 году и позднейшего провозглашения югославским лидером приверженности политике неприсоединения и Советский Союз, и Запад рассматривали Югославию как важный буфер между ними. Оба блока, противостоявших друг другу в период холодной войны, не были заинтересованы в распаде Югославии. Но когда холодная война закончилась, прекратила свое существование Организация Варшавского договора и СССР находился на грани распада, единство Югославии уже не поддерживали никакие серьезные геополитические соображения.

Тут надо вернуться в эпоху Первой мировой войны. Тогда державы Антанты рассчитывали, что в случае их победы ответственность за территорию Австро-Венгрии, ко-

Карта Центральной Европы. 1914–1920 годы

торая скорее всего распадётся, и за Балканы примет на себя Российская империя. Югославия и Чехословакия в конечном счёте были реализацией давних геополитических панславистских проектов русских царей. Предполагалось, что три новых больших славянских государства, которые планировалось создать после войны, — Польша, Чехословакия и Югославия — будут в той или иной степени находиться под российским протекторатом. Новая Польша, которая должна была включать этнические польские территории из состава Австрии, Пруссии и России, вообще мыслилась автономной частью Российской империи — примерно на тех же правах, на каких существовало Царство Польское в 1815–1830 годах. Чехословакия и Югославия в обеспечении своей безопасности должны были бы полагаться прежде всего на Россию. В условиях сохранения сильной Россий-

ской империи можно было бы и не слишком ослаблять Германию как некий противовес ей. Поэтому первоначально не исключалось, что после войны немецкие земли Австрии будут присоединены к Германской империи. Тогда и Венгрия, по всей видимости, могла бы сохраниться в своих этнических границах, оставшись действенным противовесом Румынии, которая получила бы Трансильванию (да и то не всю), но не Бессарабию. В случае если бы в России не произошла революция, можно представить себе относительно стабильную политическую ситуацию в Центральной и Восточной Европе. Эта ситуация гарантировалась бы Россией и в меньшей степени Германией. Тогда считалось, что Россия могла бы предотвратить противостояние между балканскими государствами (Югославией, Румынией, Болгарией, Венгрией, Грецией и Албанией). Однако ре-

волюция, завершившаяся приходом к власти в России большевиков и распадом Российской империи, вывела Россию за пределы версальской системы. Теперь уже для сдерживания коммунизма потребовался пояс государств-лимитрофов. Чтобы обеспечить его существование, понадобилось максимально ослабить Германию, поскольку Россия осталась за пределами версальской системы и прямо воздействовать на нее не было возможности. Территорию Германии не только значительно уменьшили — на нее было также наложено непомерное бремя репараций. Для управления долгами плательщиков репараций пришлось создавать международные структуры, ограничивавшие их суверенитет. В этих структурах при желании можно увидеть прообраз общих экономических органов Евросоюза. Но сам гигантский и разорительный размер репараций

Карта Центральной Европы. 1939 год

стал печальной новинкой, которую принесла Первая мировая война. Прежде контрибуции, как бы ни был велик их размер, все-таки не преследовали своей целью установление контроля победителей над экономикой побежденных, что, естественно, сильнейшим образом ограничивало суверенитет последних.

В итоге пришлось создать гораздо более мелкие государства, чем планировалось первоначально. Некоторые из них не могли быть состоятельными в экономическом отноше-

нии. Речь здесь прежде всего о побежденных — Австрии, Венгрии, Болгарии, а также о Греции, которая тоже проиграла войну — правда, не Первую мировую, а греко-турецкую 1919–1922 годов, — и об Албании. Собственную же безопасность ни одно из государств-лимитрофов (в том числе самые крупные из них — Польша, Чехословакия, Румыния и Югославия) не могли обеспечить без помощи великих держав-победительниц. Сначала страны Антанты возлагали большие надежды на

США. Однако после того как стало ясно, что Конгресс отказался санкционировать вступление Америки в предложенную Вильсоном Лигу Наций и что в дела Европы в ближайшее время она вмешиваться не будет, ответственность за страны Центральной и Восточной Европы пришлось взять на себя Англии и Франции. А там, особенно в Париже, не горели желанием «умирать за Данциг». В результате, когда Германия при Гитлере начала вести агрессивную политику, ей первоначально была противопоставлена «политика умиротворения», что и привело ко Второй мировой войне.

Если бы после Первой мировой войны в Европе был последовательно проведен «принцип национальностей» по отношению не только к побежденным, но и к победителям, а репарации были бы наложены в разумных и вполне выполнимых пределах, здесь были бы созданы гораздо более жизнеспособные государства, а политическая ситуация оказалась бы гораздо более стабильной. Просто было бы гораздо меньше поводов для острых межгосударственных противоречий. Так, Германия в этом случае, безусловно, получила бы не только Австрию и Судеты, но и сохранила бы свой полный суверенитет над Сааром и левобережьем Рейна. А также, возможно, удержала бы в своем составе некоторые пограничные районы Эльзаса и Лотарингии, если бы их жители предпочли остаться под властью Берлина, а также Верхней Силезии и Польского коридора с Данцигом, равно как и Мемель. Всё это — при условии умеренных, а не грабительских репараций — весьма существенно уменьшило бы реваншистский потенциал среди избирателей Германии и, вполне возможно, предотвратило бы мировой

экономический кризис 1929–1933 годов. И у Гитлера не было бы шансов прийти к власти – а значит, не было бы и Второй мировой войны. Точно так же и Венгрия, оставшись в своих этнических границах, имела бы значительно больший промышленный потенциал, получив промышленные районы Южной Чехословакии и Северной Трансильвании. И она была бы куда менее склонна конфликтовать с соседями, равно как и Болгария – если бы та сохранила Южную Добруджу. Также снималась бы острота германо-польских и германо-чешских противоречий, не было бы проблемы аншлюса. Реальные противоречия между малыми и большими европейскими государствами после Первой мировой войны могла бы смягчить европейская экономическая интеграция. Однако послевоенный мировой экономический кризис был преодолен только к 1923 году. А всего через шесть лет грянул новый кризис, полностью преодолеть последствия которого удалось только с началом Второй мировой войны. Для интеграции просто не оказалось ни времени, ни места.

Вторая мировая война дала массу примеров масштабных этнических депортаций, далеко превзошедших своим размахом депортации Первой мировой и показавших, что победители еще менее считаются с государственным суверенитетом других стран. Начал Гитлер, депортировав евреев, цыган, поляков и другие «неправильные» национальности, нередко по ходу переселения занимаясь их истреблением. Но и победители Гитлера пришли к выводу, что лучшим послевоенным устройством в Европе будет система мононациональных государств, причем как за счет установления этнических границ, так и за счет де-

портаций побежденных и победивших народов. В результате мононациональными стали Польша (за счет холокоста, изменения границ с отторжением восточных кресов и депортаций немцев и украинцев), Чехия и Словакия в составе Чехословакии (путем депортации немцев, евреев и венгров, а также отторжения Подкарпатской Руси с украинским и венгерским населением). Мононациональной оказалась и Германия в результате депортации евреев и изменения границ. Аналогичные акции осуществили Венгрия (депортация немцев и евреев) и Румыния (депортация немцев и евреев, отторжение Бессарабии с украинским населением). Массовые переселения произошли и в некоторых советских республиках. На Украине была осуществлена депортация евреев, поляков, немцев. В Белоруссии – евреев и поляков. В Литве – евреев, поляков, немцев. В Латвии – евреев и немцев (последних – в 1939-1940 годах). В Эстонии – немцев (в 1939-1940 годах).

Однако и в таких условиях формальная государственная независимость и территориальная целостность малых восточноевропейских государств была сохранена только потому, что почти все они оказались в составе советского блока – Организации Варшавского договора. Единственными заметными исключениями стали Греция, присоединившаяся к НАТО, да Албания, переориентировавшаяся на Китай и вышедшая из состава ОВД в 1968 году. В Западной же Европе почти все малые государства вошли в состав НАТО, а затем и Евросоюза. Кроме того, Финляндия, Австрия и Югославия стали своеобразными буферными государствами между обоими блоками, что также гарантировало их независимость. В условиях холод-

ной войны и межблокового противостояния экономическая и политическая интеграция развивалась внутри блоков. На Западе в рамках Европейского экономического сообщества она зашла очень далеко, что привело к созданию Евросоюза и наднациональных органов и к дальнейшему ограничению государственного суверенитета. В то же время в рамках Совета экономической взаимопомощи интеграция никогда не была столь эффективной, как на Западе, и ее плоды были утрачены с ликвидацией коммунистического блока. При этом почти все восточноевропейские государства вступили в Евросоюз и НАТО, что привело к возрождению некоторых прежних интеграционных схем СЭВ в рамках ЕС (например, между Польшей, Венгрией, Чехией, Словакией и Восточной Германией). Интеграция же в энергетической сфере в значительной мере сохранилась на Востоке Европе с советских времен до наших дней.

Можно предположить, что сейчас процесс ослабления государственного суверенитета, начало которому положила Первая мировая война и который мы наблюдаем на примере усиления структур Евросоюза, достиг своего максимума и уже встречает растущее сопротивление ряда национальных правительств. Не исключено, что этот процесс имеет циклический характер и вскоре мы будем наблюдать постепенный рост государственного суверенитета по сравнению с наднациональными органами. Однако вряд ли это приведет к распаду существующих интеграционных объединений. Вероятно, мы будем наблюдать лишь прекращение роста функций наднациональных органов и возвращение части их полномочий в ведение национальных правительств.